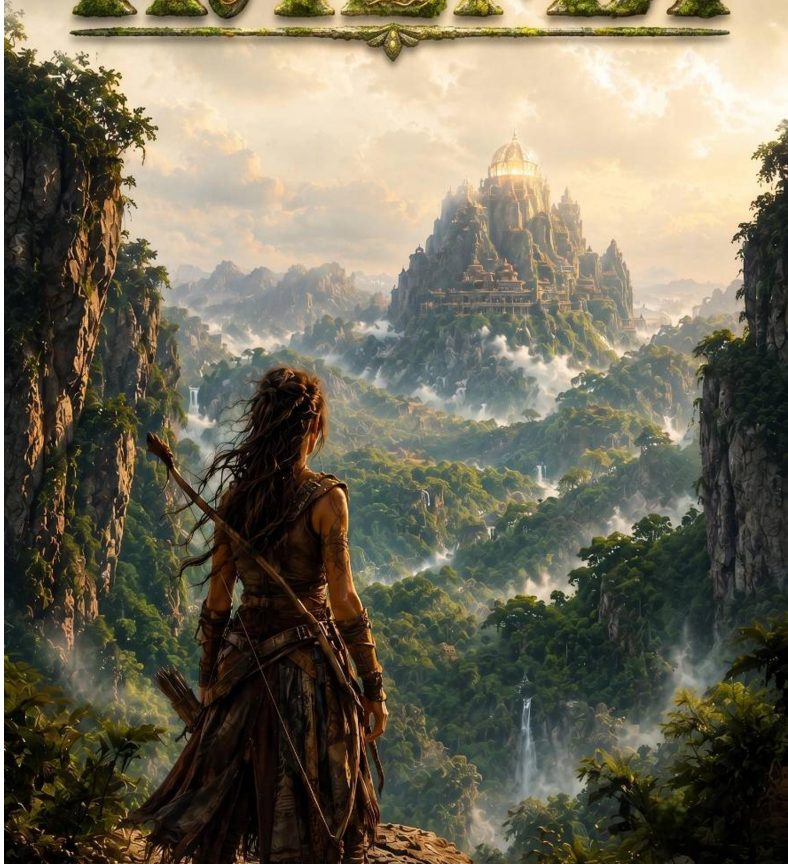

ПЛЕМЯ

Григорий Кирьянов

Племя

<https://litres.ru/74265798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Закрытый город Эдем годами похищает людей из лесных племён. Когда пропадает брат молодой охотницы, она проникает за стены и узнаёт, что почти все жители Эдема пленники лжи. Лук - единственное, чему она доверяет, пока не окажется в мире, где вернуть одного человека значит разрушить дом тысячи других...

Содержание

Глава 1. Пустая постель	4
Глава 2. Счёт потерь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Григорий Кирьянов

Племя

Глава 1. Пустая постель

Рокс возвращалась с ночной охоты той тропой, которую знала не глазами, а стопами, там, где корень выступал горбом, там, где земля проседала после дождя. И весь путь домой нёс на себе то ровное, сонное довольство, с каким лес провожает охотника, взявшего свою добычу и не взявшего лишнего, два кролика на поясе, лук за плечом и гордость.

Светало неохотно, как светает поздней весной, когда солнце ещё лениво нежится в облаках, и первые птицы пробовали голос вразнобой, ещё не сговорившись между собой, с чего начинать день.

У самой границы поселения, где частокол из молодых стволов расступался, пропуская тропу внутрь, на низкой ветке всегда висел оберег - три косточки, нанизанные на жильную нить бабушкой Тавин ещё до рождения Рокс. По утрам, когда ветер спускался с холмов вместе с рассветом, косточки звенели друг о друга, тонко, сухо, как звенит настоящий, живой дом, в котором кто-то уже встал и готовится встретить день.

В это утро они не звенели.

Рокс остановилась в пяти шагах от частокола, и лес за спиной у неё, кажется, тоже остановился. Во всяком случае, так ей казалось, хотя разум подсказывал - это она перестала слышать, а не лес перестал шуметь.

Оберег висел неподвижно, будто ветер обошёл его стороной нарочно, из вежливости, не желая тревожить то, что уже случилось. Она не сразу подошла ближе. Тело, натренированное на то, чтобы сперва слушать - потом решать, держало её на месте. Глаза сами, без спроса, пробежались по ближайшему дому и не нашли то, что искали заранее, ещё до того как она осознала, что ищет.

Полог над лежанкой Тео был распахнут.

Не сдвинут ветром - ветра не было. Не приподнят изнутри, как приподнимают его сонные дети, выбираясь до рассвета по нужде, такой полог падает обратно сам, тяжёлой шкурой мягко ложится на место. Этот был откинут в сторону зацепившись за столб, аккуратно. Тео, маленький мальчишка, не смог бы дотянуться так высоко. Кто-то точно откинул этот полог намерено.

Рокс уронила кроликов, разжав пальцы, которые до этой секунды машинально держали их на поясе. И лук оказался у неё в руках раньше, чем она успела подумать. Так было устроено её тело последние двенадцать лет, с того самого дня, когда одна-единственная доля мгновения решила для них с Тео отца - всё. Она не помнила, чтобы её этому учили. Руки сами знали, сначала оружие, потом мысль. Иногда это

спасало жизнь. Иногда, как сказал бы Орн, не разжимая губ, делало из спасения могилу для кого-то другого.

Она была девятнадцать лет от роду, Рокс, из рода, что звался теперь Верхним Олышаником, лучшая лучница племени, если верить старикам. Хотя сама она не любила это слово, «лучшая», оно ничего не говорило о том, скольких стрел это стоило и скольких промахов. Лук, который она сейчас держала, был не выструганный когда-то на вырост, какие отцы самостоятельно делают для своих детей. Настоящее оружие, из тёмного, отполированного временем дерева, которое передавали не по возрасту, а по праву, и с прошлой зимы этим правом обладала Рокс.

Земля у порога, там, где утренняя роса ещё держала след, несла на себе тёмное пятно, слишком настоящее, чтобы быть чем-то, кроме крови.

Она опустилась на одно колено и коснулась пятна двумя пальцами. Кровь подсохла с краёв, но в середине ещё держала свою свежесть - часа три, может, четыре. Значит, ещё до того, как небо начало сереть. Значит, пока она вытаскивала стрелы из кроличьих тушек в трёх верстах отсюда, довольная удачной охотой, здесь, у порога её собственного дома, кто-то истекал кровью.

Тео.

Она не произнесла имя вслух, но оно встало у неё внутри так плотно, что на секунду перекрыло дыхание крепче любого удара. Ему было двенадцать. Он спал крепче всех в по-

сёлке, всегда, с самого младенчества. Мать говорила, что Тео унаследовал это от отца, который тоже мог проспять грозу, и не унаследовал от него только одно - осторожность, которая отцу всё равно не помогла в последний день.

- Рокс.

Тихий голос донёлся сзади. Гвэн, соседка через два дома, женщина в годах, вышедшая по ранней надобности и застывшая теперь в середине поселения.

- Не звенит, - сказала Рокс, не оборачиваясь, кивком указывая на оберег.

Гвэн подошла ближе, и по тому, какое выражение значилось на ее лице, Рокс поняла, это не только её горе. Значит, не только Тео.

- Кто ещё?

- Сын кузнеца. И... - Гвэн запнулась, и в этой заминке было больше страха, чем в любом крике. - Дочь Ойдена.

Три ребёнка. Не один. Не случайность, не заблудившийся зверь, вошедший через прореху в частоколе, рука чужака, которая знала, куда идти и кого забирать, и ушла так тихо, что даже собаки не залаяли, а собаки в Верхнем Ольшанике лаяли на всё, что пахло не своим.

Рокс поднялась с колена. Где-то за спиной, в глубине племенного поселения, уже начинался тот особый, придушенный гул, с каким просыпается место.

- Ойден где? - спросила она.

- Он мёртв, - сказала Гвэн, и голос её впервые дрогнул по-

настоящему.

Ойден не был глуп, и уж точно смог бы защитить себя и семью. Это означает, что чужаки были дальше, чем бьёт лук, либо это тихое спланированное нападение. Рокс на секунду позволила себе представить это расстояние - вытянутую, невидимую линию между домом Ойдена и тем, кто его мог убить.

Она подняла голову к светлеющему небу, взяла в лёгкие воздух до самого дна и сложила руки так, как учил её отец, а отца - учил его собственный отец, и выпустила в утренний воздух долгий, дважды повторённый крик совы.

Это был не охотничий сигнал. Крик не означал «зверь у реки» или «хищник на тропе» - для этого существовали другие сигналы, воронья дробь, лай лисицы. Он означал одно, и это знал в посёлке каждый ребёнок, едва научившись говорить. Чужаки.

Звук разнёсся над лагерем, отразился от частокола, зацепился за кроны, ушёл дальше, туда, где начинался настоящий, дремучий лес. Посёлок за спиной Рокс отозвался почти мгновенно, хлопанье пологов, короткие сдавленные голоса, шаги, слишком частые для мирного утра. Кто-то уже бежал к длинному дому, где при тревоге созывался совет. Кто-то, она слышала это скорее телом, чем ухом, вытаскивал из земли воткнутые на ночь копыя.

Рокс стояла у пустой постели брата, всё ещё перетирая пальцами не до конца стершийся отпечаток крови, и ждала.

Что-то в глубине груди требовало тишины ещё на один вдох, прежде чем она позволит себе сдвинуться с места.

И тишина ответила.

Крик, повторённый ею дважды, разошёлся над лесом, а с другой стороны, почти от самой Мёртвой Черты, где по всем законам детства и взрослой жизни не могло быть ничего живее ветра, пришёл ответный крик.

Не совиный.

Глава 2. Счёт потерь

К полудню посёлок Верхний Ольшаник уже мог назвать все свои потери по именам, и от этого горе не становилось меньше, оно просто переставало быть смутным и обретало лица.

Пятеро. Тео, двенадцати лет, из дома Рокс. Данн, сын кузнеца Хорма, тринадцати лет. Мальчишка, которого Тео считал почти братом, потому что вместе они разоряли одни и те же птичьи гнёзда и получали за это одни и те же подзатыльники. Мила, дочь Ойдена, шестнадцати, та самая, что этой осенью должна была обручиться с сыном пастуха, и обручальный пояс, наполовину сплетённый её матерью, так и остался лежать на лавке. Недоделанный, потому что руки, которые должны были его закончить, теперь тряслись слишком сильно. И Свен, мужчина двадцати с лишним лет, один из тех немногих, кто помнил границу настолько хорошо, что мог бы провести по ней в слепую, его исчезновение пугало отдельным, взрослым страхом. Если забрали и того, кто знал лес лучше всех, значит, знание леса не было защитой.

Тело Ойдена принесли к длинному дому, завёрнутое в его собственный плащ, и Рокс, стоя в толпе, смотрела не на лицо, которое было слишком спокойным для человека, умершего от колотой раны в шее. А на застывшие в движении руки.

Воспоминание пришло без спроса, как приходят по-на-

стоящему старые раны, когда тело наконец позволяет себе вспомнить.

Осень в год смерти отца выдалась сухой, звери спускались к реке раньше обычного, и с ними спускалось то, что звери тянут за собой. Крупная рысь, отбившаяся от привычных троп, обезумевшая от голода настолько, что перестала бояться человеческого запаха. Она вышла к воде в тот самый час, когда сосед Бенн, набирая воду с маленькой дочерью на руках, не успел даже вскрикнуть.

Отец стоял в шагах пятидесяти. Лук в его руках был уже натянут, Рокс помнила это совершенно ясно, потому что стояла рядом и смотрела снизу вверх. Так смотрят дети на отцов в минуты, когда весь мир вдруг сужается до одной фигуры, и стрела была готова сорваться с тетивы в то самое мгновение, когда рысь оттолкнулась от земли.

Он не выстрелил сразу.

Полудыхание - вот сколько это заняло, не больше. Тот крошечный, невозможный для описания промежуток времени, за который разум успевает спросить себя «точно ли туда, точно ли так», прежде чем тело, наконец, разрешает себе действовать. Для большинства решений в жизни это полудыхание не значит ничего. В то утро оно значило всё.

Стрела ушла и достигла цели, рысь упала замертво в двух шагах от Бенна и его дочери, спасённых, невредимых. Но не раньше, чем когти второго животного в броске задела самого отца. Вторая стрела сделала свое дело так же мгновенно.

Рана была неглубокой. Такая рана, по всем меркам, не должна была убить взрослого, здорового мужчину.

Она убила его за девять дней - медленно, через жар и обезвоживание. Бешенство, единственное в Верхнем Ольшанике, что не могли вылечить, и всё это время семилетняя Рокс сидела у его постели и слушала, как он повторяет, снова и снова, в бреду и в редких минутах ясности одно и то же. Не о боли или смерти, а о том мгновении, которое он мог не терять.

« - Дурак, - говорил он, и в голосе не было жалости к себе, только строгая, почти профессиональная досада мастера, допустившего ошибку в ремесле, которым владел всю жизнь. - В следующий раз сперва стрела, потом вопрос».

Рокс не была уверена, что отец говорил это ей, вернее было бы сказать, что он говорил это будущему, в котором его дочь однажды окажется в подобном мгновении сама. Она запомнила эти слова так, словно заповедь, а не совет, и с того самого дня её руки разучились ждать вопроса дольше, чем требовалось на вдох.

Тео родился в ту же зиму, через два месяца после похорон, и потому никогда не видел отца, разве что на словах матери и на словах Рокс, которая одна во всём доме несла память о нём, как несут не самую тяжёлую, но самую не удобную поклажу, боясь расплескать.

- Он бы уже решил, что делать, - сказала Рокс вслух, стоя у тела Ойдена и глядя на его сжатые, слишком поздно под-

нятые руки.

- Кто? - спросила Гвэн, стоявшая рядом всё это время молча.

- Мой отец.

Гвэн ничего не ответила, только коснулась плеча Рокс, коротко и без слов. Лишние разговоры сегодня были не уместны.

К длинному дому подошёл Орн, судя по бледности и по тому, как крепко была сжата его челюсть, он не спал этой ночью. Вместе с ним подошли двое следопытов, первые заметившие не ладное на рассвете и двинувшиеся по следу, ведущему от частокола. Один из них, молодой Хайд, тяжело дышал, будто бежал всю обратную дорогу.

- Куда ведёт след? - спросила Рокс, прежде чем кто-либо успел спросить это за неё.

Орн посмотрел на неё долгим взглядом, каким смотрят люди, вынужденные произнести вслух то, что предпочли бы никогда не произносить. На мгновение показалось, что он ответит уклончиво, как отвечал бы любой осторожный старейшина встревоженному, не готовому услышать правду племени.

- След ведёт к Мертвой Черте, - сказал Орн, и по толпе вокруг длинного дома прошла тишина, более глубокая, чем любая тишина, слышанная Рокс за это утро. Название это в Верхнем Ольшанике не произносили вслух уже несколько лет, из суеверия столь же старого, как само поселение, и не

произносили не потому, что боялись слова, а потому, что боялись того, куда это слово вело.

К Мёртвой Черте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.